

Ван Дачжуан знал слишком мало. Он не ведал ни о врагах семьи Кун, ни о тех, кто их уничтожил — даже не видел их лиц. Но убитая мимоходом наложница, была его сестрой. Она не имела никакого отношения к распре, но была тем, кто заботился о нём с детства, тем, с кем они жили, держась друг за друга.

Жизнь бедняка не стоит и медной монеты. Ван Дачжуан был одинок, у него не было ни власти, ни влияния, ни силы, чтобы мстить. Даже если бы убийцы стояли перед ним, он ничего не смог бы сделать. Кого волнует горе такого маленького человека?

Юй Чанцин слегка сжал ладонь, которую держал Ван Дачжуан, а затем, не раздумывая, ответным движением обхватил его грубые, натруженные пальцы. Раньше он мог бы пообещать помочь найти убийц и отомстить за сестру. Но сейчас он сам едва держался на ногах. Как он мог давать пустые обещания, которые только обнадёжат Ван Дачжуана, но не принесут результата?

Но Ван Дачжуан, похоже, был человеком с удивительной жизнерадостностью. Погоревав немного, он вытер слёзы, взял себя в руки и, взглянув на нахмуренного Юй Чанцина, сказал:

— Сяньцзюнь, не переживай за меня. Перед свадьбой сестра сказала мне, что жизнь бедняка ничего не стоит, и тем важнее мы должны ценить себя. Что бы ни случилось, нужно стараться жить хорошо, делать то, что в наших силах, и жить так, как мы хотим. Главное — не позволять ненависти управлять собой и не терять себя из-за чего бы то ни было.

Юй Чанцин слегка приподнял брови. Эти слова... Разве их могла сказать простая деревенская девушка? Он пристально посмотрел на Ван Дачжуана и спросил:

— Твоя сестра когда-нибудь говорила, откуда вы родом? Кто ваши предки?

Ван Дачжуан покачал головой:

— Нет. Она только сказала, что жить в родных краях стало невозможно. Родители умерли, и ей пришлось взять меня и бежать.

Юй Чанцин кивнул, не желая больше говорить на тяжёлую для него тему. Вместо этого он сменил разговор:

— Что прошло, то прошло. Не стоит об этом думать. Поешь ещё немного. Вот, возьми мою порцию.

Ван Дачжуан растрогался до глубины души:

— Сяньцзюнь, ты так добр ко мне! Я быстро доем, и мы пойдём в горы искать змею.

Подумав, он добавил:

— Ты обязательно скоро поправишься.

Юй Чанцин хотел поправить его, что они ищут не змею, а источник духовной энергии, который её изменил, но, взглянув на лицо Ван Дачжуана, промолчал.

Ладно, пусть будет змея.

Ван Дачжуан быстро доел свою кашу, затем и ту, что отдал ему Юй Чанцин, а потом ещё съел маньтоу. Утолив голод, он прибрал посуду, проверил снаряжение и вместе с Сяньцзюнем в белоснежных одеждах вышел из дома.

На улице едва занимался рассвет. Деревня ещё спала, и на улицах было тихо. К тому моменту, когда они достигли места, где Ван Дачжуан нашёл раненого Юй Чанцина, солнце уже поднялось высоко.

Ван Дачжуан, беспокоясь о том, что Юй Чанцин ещё не оправился от тяжёлых ран, шёл не спеша. Дойдя до леса, он сказал:

— Сяньцзюнь, дальше начинаются места, где водятся дикие звери. Давай сначала отдохнём.

Юй Чанцин, понимая, что обычный человек вроде Ван Дачжуана не может долго идти без остановки, согласился. Он выбрал плоский камень, собираясь сесть, но Ван Дачжуан внезапно вскрикнул:

— Подожди!

Юй Чанцин замер. В следующую секунду Ван Дачжуан стремительно бросился вперёд, смахнул с камня муравья, который с великим трудом взобрался на вершину, и бросил на него сердитый взгляд. Затем он снял свою верхнюю рубаху и расстелил её на камне, после чего помог Юй Чанцину сесть, тихо говоря:

— Хотя уже лето, в горах утром холодно и сыро. Камень ещё не просох от росы. Ты ранен, тебе нельзя простужаться.

Юй Чанцин хотел усмехнуться, но улыбка так и не появилась на его губах. Холодный и беспощадный Почтенный Ханьян, прошедший через кровь и огонь, в глазах Ван Дачжуана превратился в изнеженного человека, который даже не мог сидеть на мокром камне. Если бы Ван Дачжуан увидел, как Юй Чанцин едва не оказался в алхимической печи и не был сожжён дотла, как скрывался в сырых, холодных расщелинах, кишящих ядовитыми тварями, спасаясь от преследования, он бы точно пришёл в ярость.

Ван Дачжуан, не зная его мыслей, всё ещё хлопотал, поправляя его рукав, который случайно замялся, и приглаживая прядь длинных, как чернильный водопад, волос, развевающихся на ветру. Аккуратно уложив их за спину Юй Чанцина, он почувствовал гладкость волос, невольно потёр пальцы и искренне воскликнул:

— Сяньцзюнь, ты правда очень красивый. Ты обязательно скоро поправишься.

Юй Чанцин чуть подвинулся в сторону, похлопал по месту рядом с собой, приглашая Ван Дачжуана присесть. На губах его мелькнула лёгкая улыбка.

— Твои слова забавные. Как связаны моя внешность и моё здоровье?

Ван Дачжуан, сев рядом с Юй Чанцином и вдыхая его лёгкий, холодный аромат, уверенно ответил:

— Конечно, связаны. Ты красивый и добрый. Даже Небеса не смогут долго смотреть, как ты страдаешь!

На этот раз Юй Чанцин действительно рассмеялся:

— Ты правда считаешь, что я добрый, и Небеса не захотят, чтобы я страдал?

Ван Дачжуан, глядя в его улыбающееся лицо, застыл, но затем искренне кивнул:

— Конечно. Ты хороший человек. Никто не сможет тебя обидеть.

Юй Чанцин смотрел в его честные глаза несколько секунд, а потом отвернулся и тихо сказал:

— Дачжуан, ты слишком наивен.

Ван Дачжуан был для Юй Чанцина новым и необычным человеком. Он относился к нему с уважением, но без страха, действительно видя в нём обычного человека, нуждающегося в помощи. Он не кланялся ему в страхе, говорил с ним на «ты», не используя почтительных выражений, как другие, и, конечно, не презирал его, когда тот не мог встать с постели из-за ран. Когда он называл его «Сяньцзюнь», это было просто обычное обращение, без особого смысла.

Его взгляд был чист, он всегда смотрел прямо в глаза Юй Чанцина и на его лицо, и его частые комплименты были искренними. Когда он говорил «красивый», он действительно так думал, как если бы увидел цветок и искренне восхитился его красотой — без лести и скрытых мотивов.

Он был простым человеком, чистым и благородным, намного выше тех лицемерных «благородных» в мире культивации, которые внешне были добродетельны, а внутри полны зла. Иногда Юй Чанцину хотелось взять его в мир культивации и использовать как зеркало, чтобы показать этим людям их уродливые лица.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, насколько мелочными были его первоначальные мысли. Но что поделать, в мире, где люди пожирают друг друга, только осторожность позволяет плыть на корабле десять тысяч лет*. Если бы он, как Ван Дачжуан, так легко доверял людям, его кости уже давно превратились бы в прах.

*это идиома, которая означает, что осторожность и предусмотрительность помогают избежать проблем и достичь долгосрочного успеха

Юй Чанцин смотрел на окружающие зелёные горы и думал, что, возможно, только в таком простом месте, как деревня Ван, мог вырасти такой чистый человек, как Ван Дачжуан.

<http://bllate.org/book/12569/1117909>